

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА РЕКОМЕНДУЕТ:

*«Екатерине Островской и ее детективам
удалось подарить мне не один головокружительный вечер
за увлекательным чтением,
и поэтому я советую вам эти книги!»*

ТЕМНИЦА ТИХОГО АНГЕЛА
ЖЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОГО
ЗАПОВЕДНИК, ГДЕ ОБИТАЕТ СМЕРТЬ
МЕРТВАЯ ЖЕНА И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ
МОТЫЛЕК АТАКУЮЩИЙ
ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ
Я СТАНУ НОЧНЫМ КОШМАРОМ
НЕТ МЕСТА ЖЕНЩИНЕ
СВЕРХ ОТПУЩЕННОГО СРОКА
УКРАДЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТУ СТОРОНУ
НЕ РАССТАНУСЬ С ВАН ГОГОМ
ЧЕРНЫЙ ЗАМОК НАД ОЗЕРОМ
МЕЧТЫ О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ
АНГЕЛАМ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО
УПАСТЬ ЕЩЕ ВЫШЕ
ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПРОЩЕНИЯ
С ТОБОЙ МНЕ НЕ СТРАШНО
ДВА РАЗА В ОДНУ РЕКУ

Екатерина
Островская

ДВА РАЗА
В ОДНУ РЕКУ



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-77

Оформление серии *А. Старикова*

Островская, Екатерина.

О-77 Два раза в одну реку : [роман] / Екатерина Островская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Татьяна Устинова рекомендует).

ISBN 978-5-699-98749-8

Лена Самохина очень гордилась, что все ее предки — офицеры морского флота. Неожиданно она узнала, что ее прадед, капитан второго ранга Петр Георгиевич Самохин, принимал участие в сборе средств для Белого движения и пожертвовал на это семейную реликвию — яйцо работы Фаберже. Но собранные петербургской знатью драгоценности пропали, революция победила, прадеда репрессировали... И вот спустя столетие историей дворянских сокровищ вдруг заинтересовалось слишком много людей: и бывшие одноклассники Лены, и банкир, с которым она некогда встречалась, и даже известный спортсмен-бодибилдер. Неужели кто-то из них напал на след старинного клада? Но, как известно, сокровища всегда охраняет смерть — кладоискатели стали погибать один за другим. Перед Леной встал выбор: вернуть семейную реликвию или остаться в живых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98749-8

© Островская Е., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Новый детектив «Два раза в одну реку» Екатерины Островской получился захватывающим. Это настоящий триллер, подкупающий сложностью загадок, бешеным темпом погонь и плотностью перестрелок. Книга держит в напряжении от первой и до последней страницы. Происходящие события страшны и грандиозны, действие разворачивается в прошлом и настоящем, а сюжет выписывает один головокружительный вираж за другим, и героям приходится молниеносно подстраиваться под быстро изменяющийся сюжет. Запутанная и стремительная история, словно горка в аквапарке, подхва-

тывает, кружит и стремглав уносит куда-то! Остается наслаждаться скоростью и брызгами в лицо: душа уходит в пятки и хочется визжать от восторга.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех, и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1918 год, 30 августа

Парадная дверь была закрыта. Молодой человек в матросском бушлате обернулся к своей спутнице — хрупкой девушке, судя по платью, горничной из небогатого дома.

— Дальше я сам. Поднимусь по черной. Прошу вас, Вера Николаевна, подождать меня во дворе. Постараюсь надолго не задерживаться.

— Я с вами, Алексей Николаевич. Вам даже дверь не откроют. Он — очень осторожный человек.

Вдвоем направились к арке, пересекли небольшой внутренний дворик и вошли в узкую дверь черной лестницы. Поднялись на второй этаж и остановились на неширокой лестничной двухквартирной площадке.

— С Богом! — произнес молодой человек.

Девушка быстро перекрестилась.

Матрос повернул ручку механического звонка и поморщился, когда услышал хриплую трель. Прислушался, пытаясь разобрать звуки за дверью, потом обернулся к девушке и дернул плечом.

— Кто-то там ведь должен быть.

Выглянул в окно и увидел возле двери дровяного сарайчика греющегося на солнце дворника, которого еще минуту назад там не было. Молодой человек вновь повернул ручку звонка. И сразу дверь распахнулась. На пороге с «маузером» в руке стоял матрос в тельняшке, а рядом с ним — парень в пиджаке, надетом на солдатскую гимнастерку.

— Ну и чего вам здесь надо? — поинтересовался матрос с «маузером».

— Да вот хочу с хозяином здешним разобраться, — объяснил молодой человек в бушлате, двигаясь прямо на «маузер». — «Контра» здесь зашхерилась, если ты не знаешь, братишка. Марусю мою этот гад на работу позвал, чтобы она тут ему приборки делала, а денег не заплатил. Так что хочу с него по полной получить с процентами за эксплуатацию трудового народа.

Он обернулся к девушке и махнул рукой.

— Заходи, Маруся, здесь все свои.

— Здравствуйте, — поздоровалась девушка, переступая через порог.

— Милости просим, — улыбнулся ей парень в пиджаке.

А его приятель в тельняшке покачал головой.

— Ты прежде чем на абордаж кидаться, браток, документ какой предъяви.

Вошедший усмехнулся и показал на свою бескозырку:

— Читать умеешь?

На ленточке значилось название корабля. Позолота букв облетела, но все равно надпись читалась достаточно ясно — «Императрица Мария».

— Первой корабельной роты котельный машинист Иван Шлыков.

— Понял, — кивнул человек с «маузером». — Кочегар, значит. Когда рвануло на вашем корабле, где был?

— Как раз вахту отстоял, зашел в котельную угольную пыль с себя смыть. Первым помылся, на палубу поднялся, где как раз молебен был, и тут как грохнет! Все, которые на вахтах и которые в котельной остались, сразу сгорели. Три сотни человек, считай. А те, кто на молебне стояли, выжили, ну и я заодно.

— Как тут в Бога не поверить! — вздохнул парень в пиджаке и оглянулся на девушку. — В газетах недавно пропечатали, что подняли все-таки ваш линкор.

— Не знаю, — покачал головой котельный машинист, — меня там нет. В Крыму теперь офицерье жирует. А я с января по фронтам, сначала под Новочеркасском, где мы Каледина били. Потом уж в Пятую армию к Сиверсу попал. И под Бахмачом, в самом пекле, я за пулеметом лежал.

— Ваню враги ранили, — негромко произнесла девушка, — очень сильно. Он сначала в харьковском госпитале был, а потом уж сюда приехал...

— Ну да, — подтвердил ее друг, — приехал

к Марусе, женится вот думаю. А ее тут всякая контра за человека не считает. Денег не платит, кормиться нечем. Да вы сами взгляните на нее: была человеком, а теперь в ней и трех пудов нет. Так что я сейчас этого гада... Как его, Маруся?

— Камергер Росляков, — тихо подсказала девушка.

— Ша, браток! — неизвестно чему обрадовался человек с «маузером». — Так мы сами этого камергера тут выжидаем. Вчера у него здесь ЧеКа обыск делала. Зашли, как водится, с парадного входа, а он, гад, смылся, видать... Короче, не застали, а может, и в самом деле не было его. Кухарка только, старуха глухая, ничего от нее добиться не могли. Так и она тоже под шумок свинтила. Мы-то уж потом подгрести сюда. Тут как раз ЧеКа работала. А потом уж сам Урицкий прикатил, когда тут золото и брильянты обнаружили.

— Выходит, я опоздал, — вздохнул котельный машинист, — теперь ничего не получу с этого гада.

— Так накормить мы сможем тебя. Мы и коньяк нашли «фин шампань» шустовский — почти целая бутылка осталась. Картошку можно пожарить. А Маруся твоя пусть в вещах пороется. Шуб там, правда, уже нет — вчера чекисты их вывезли, но кое-какое барахлишко найдется.

Матрос с линкора «Императрица Мария» посмотрел на девушку.

— Давай, Маруся, поройся там: может, что и отыщешь себе или для обмена.

Но девушка только покачала головой. В глазах ее стояли слезы.

— Что ж ты, красавица, загрустила? — начал успокаивать ее матрос в тельняшке. — Здесь чужого ничего нет. Все наше, народное. Так что без стеснения забирай, что себе присмотришь. А я потом тоже пороюсь в барахле: может, что для сестрицы своей найду. Отправлю ей в деревню. Пусть там при всем параде как барыня ходит.

Девушка повернулась и молча пошла к выходу. Переступив порог, она закрыла ладонями лицо, чтобы никто не видел, как она плачет.

— Какая чувствительная она у тебя, браток, — с сочувствием произнес матрос и, увидев, что котельный машинист тоже хочет уйти, протянул ему руку. — Держи краба! А красотке своей передай, что скоро мы эту гидру буржуйскую раздавим к чертям собачьим!

Молодой человек с барышней спустились во двор, прошли мимо скучающего немолодого дворника, подставляющего лицо солнцу. Лицо дворника было красным, и по лбу его из-под выгоревшей старой тубетейки скатывалась тонкая струйка пота. Молодые люди уже хотели выйти на улицу, но вдруг девушка остановилась, обернулась и поспешила назад.

Подошла к дворнику и спросила негромко.

— Может быть, вы знаете, где теперь Александр Васильевич Росляков?

Дворник смотрел на нее и улыбался.

— Моя Ахметка зовут. Я недавно здесь... Метелка мети, двор убирай, дверь закрывай...

— У Рослякова еще внук был маленький. Мальчик совсем...

— Моя не понимает, — продолжал улыбаться дворник.

— Внук, — продолжала выспрашивать девушка, — совсем мальчишка.

— Какая мальчишка? Не видела я.

— Простите, — сказала девушка и пошла к выходу. Взяв под руку своего спутника, объяснила ему: — Дворник татарин, ничего не понимает по-русски.

Они миновали арку, вышли на улицу, но не успели сделать и пяти шагов, как их догнал дворник.

— Ведь вы графиня Панина? — тихо спросил он девушку уже безо всякого акцента. — Я — полковник Генерального штаба Голенищев. Вашего батюшку еще по кадетскому корпусу помню. Только мы в разных ротах были. Простите меня за мой спектакль. Росляков сейчас на Фурштадтской. Дом на углу у Таврического сада. Я вчера помог Александру Васильевичу уйти, а теперь жду, когда эти бесы его квартиру освободят. Кое-какие документы там припрятаны... Надо забрать.

Мужчина посмотрел на котельного машиниста.

— И вам, князь, да поможет Бог. Надеюсь, все, что хранил Александр Васильевич, не пропало.

— Пропало, — вздохнула девушка. — Говорят, сам Урицкий приезжал сюда за этим.

— Я видел его, — шепнул «дворник», — только меня близко не подпустили.

И полковник, коротко кивнув, снова исчез в арке.

Девушка посмотрела на своего спутника. А потом обняла его, прижалась.

— Как обидно, — прошептала она, — все зря! Все, Алексей Николаевич. А теперь вы уедете, и я потеряю еще и вас.

— Ничего зря не бывает, — ответил ей молодой человек, — надежда есть всегда. Мы все вернем. И даю слово, что без вас я никуда не уеду.

До Таврического сада шли пешком. А когда переходили Потемкинскую улицу к дому, на который указал полковник, в них едва не врезался велосипедист. Впрочем, велосипедист успел вывернуть руль, после чего сам же и упал. Молодой человек в кожаной куртке поднялся с земли, поднял своего железного коня и посмотрел на парочку, глаза его округлились.

— Господин капитан? Добрый день. Вы помните меня? Юнкер Каннегисер. Михайловское артиллерийское училище. Вы после ранения откомандированы были командовать нашей ротой. Увы, недолго командовали. Но мы потом вас очень тепло вспоминали.

Велосипедист посмотрел на девушку и слегка поклонился ей.

— Вера Николаевна, а вы меня помните? Мы у Гумилевых встречались и у Вячеслава Иванова. Меня туда Осип Мандельштам приводил. А когда Вячеслав Иванович мои стихи очень критично оценил, вы даже заступились...

— Помню, конечно, — улыбнулась девушка. — Вас зовут Леонид. Кстати, Мандельштам мне весной сказал, что в ту трагическую октябрьскую ночь вы собрали юнкеров и пошли защищать дворец...

— Увы, — вздохнул бывший юнкер, — собрал очень мало. Но даже если бы нас было больше, то противостоять орде мы бы не смогли. Ужас, что там творилось! Но вы здесь, вы живы — и это прекрасно!

Разговаривая, они повернули на Фурштадтскую, и спутник графини Паниной спросил:

— Объясните, юнкер, что за куртка на вас? По виду вы — самый настоящий чекист.

— А что делать, господин капитан? Приходится соответствовать. У нас ведь теперь как во Франции при Дантоне и Марате — в хорошей одежде лучше на улицу не выходить. Ограбят — это еще мелочь. У нас в доме лакей был, Корнеем звали. Так он в декабре, перед сочельником как раз, сбежал. Прихватил серебро, шубу бобровую. Но далеко не ушел. До Литейного только добежал, а там матросня пьяная. Все у него отобрали, раздели, а потом еще и убили. Он двое суток в сугробе пролежал. Наш дворник ходил его опознавать... Я вас не угомонил своими речами?

— Мы вообще-то очень спешим, Леонид, — мягко ответила Вера Николаевна.

— Тогда прошу меня извинить. Прощайте.

Каннегисер сел в седло и оттолкнулся ногой от тротуара. Но тут же остановился.

— Вообще-то я хотел предложить вам свою помощь, — вздохнул он, — ну раз так...

Еще раз оттолкнулся ногой и теперь уж поехал, набирая скорость.

— Странная встреча, — шепнула Вера, глядя, как юнкер неумело управляет велосипедом.

— Станных встреч не бывает, — ответил ее спутник, — все, кого Бог посылает нам на пути, что-то да значат для нас. А потому стоило бы поговорить с ним подольше... Но вообще он странный человек. Если не сказать — больной.

— В каком смысле? Выглядит вполне здоровым.

— Он болен той же болезнью, что и князь Феликс Юсупов, что и великий князь Дмитрий Павлович Романов... Если вы понимаете, что я имею в виду. Дело в том, что несколько его однокашников решили посетить Каннегисера, благо его дом находится где-то рядом с Михайловским училищем. Зашли и застали будущего офицера в женском платье и с накрашенными губами. С ним потом не хотели общаться.

Вера покраснела и шепнула:

— Станный человек возвращается.